

Историческая социология

© 2001 г.

Б.Н. МИРОНОВ

ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

МИРОНОВ Борис Николаевич - доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

В рамках нашего анализа целесообразно определить два *идеальных типа* трудовой этики. Один из них можно назвать потребительским, традиционным, или минималистским, другой - современным, буржуазным, максималистским. Принципы традиционной трудовой морали требуют работать до удовлетворения скромных потребностей семьи в питании, одежде и жилище, доход тратить на потребление, не стремиться к накоплению. Современная трудовая этика ориентирует человека на максимально возможный результат в работе, на максимальный доход, превышающий потребление, а предпринимателя - на максимальную прибыль в рамках законов¹. Трудовая этика определяла место труда в системе ценностей человека, отношение к труду, взгляд на него: с уважением или презрением, благо, радость или наказание, источник страдания. Имеющиеся материалы позволяют операционализировать понятие традиционной этики на основе эмпирических признаков: число рабочих дней и продолжительность рабочего дня; соблюдение работником трудового соглашения и правил поведения на производстве.

Трудовая этика крестьян

Праздники и рабочие дни у крестьян

Установить число рабочих дней в году возможно тремя способами: (1) определение числа праздников, воскресений и нерабочих дней; (2) хронометраж отдельных трудовых процессов; (3) измерение затрат времени на сельскохозяйственные и промысловые занятия. Оценим продолжительность годового рабочего периода разными способами, считая в полном рабочем дне 10 часов и объединяя неполные рабочие дни в полные.

Празднично-воскресные дни в России делились на три группы: (1) воскресенья, (2) официальные государственные и церковные праздники и (3) народные. Воскресенья и официальные праздники были общими для всех, их число мало менялось во времени и по местностям: воскресений было в год 52-53, официальных праздников в 1850 г. - 31, в 1878 г. - 33, в 1900 г. - 32 (кроме совпадающих с воскресеньями). Народные праздники большей частью имели религиозный характер, их число весьма менялось по местностям, где конкретные праздники отмечались в конкретном поселении. Народные праздники определяли различия в балансе рабочего и нерабочего времени между местностями и этносами, а также по периодам.

В 1850-е гг. православное население России имело примерно 108 праздников и воскресений в году, в 1872 г. по 38 губерниям - 120, а к 1902 г. по данным из 31 губернии - около 140. Увеличилось число народных праздников по инициативе крестьян. Если каждый восьмой-девятый праздник совпадал с воскресеньем, число нерабочих дней, связанных с народными праздниками, равнялось в 1850-е гг. - 18, в 1872 г. - 29, в 1902 г. - 47. Всего празднично-выходных дней соответственно было 95, 105, 123.

Праздники и воскресенья составляли часть нерабочих дней. У каждой семьи были свои

Общий баланс рабочих и нерабочих дней в году в крестьянском хозяйстве в середине XIX - начале XX в.

Показатели	1850-е гг.		1872 г.		1902 г.	
	абс.	%	абс.	%	Абс.	%
Число рабочих дней	135	38	125	34	107	29
Общее число нерабочих дней	230	62	240	66	258	71
в том числе праздничных	95	26	105	29	123	34

праздники. Много времени шло на подготовку праздника и отдых от него, так как праздники сопровождались чрезмерным употреблением алкоголя. Несколько дней в год уходило на поездки на ярмарку или базар, на болезни, много времени пропадало из-за непогоды. Оценим эти потери. Согласно "Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости", обобщавшему практику кануна отмены крепостного права, крестьяне обязаны были отработать максимум 40 мужских и 30 женских - всего 70 рабочих дней в год. До эмансипации половину рабочих дней помещицы крестьяне отдавали владельцу². Отсюда примерно 70 дней крестьянская семья (мужчина меньше) работала на помещика и столько же на себя. Общее число рабочих дней в год в середине XIX в. близко к 140, нерабочих - к 225. Из последних праздников и воскресений - минимум 95, остальные 135 - неучтенные праздничные и послепраздничные дни, семейные события, болезни, общественные дела, поездки на ярмарку. Значительная часть 135 дней пропадала из-за непогоды. В местностях с развитыми промыслами последние поглощали немало времени, но меньше времени шло на земледелие и совсем не тратилось на барщину, замененную в неземледельческих поместьях obroком. Приняв потери рабочего времени, связанные со всеми обстоятельствами, кроме праздников, за постоянную величину, баланс рабочих и нерабочих дней будет приблизительно таким (см. таблицу).

Второй метод оценки напряженности труда дает те же результаты. Кадастровые комиссии Министерства государственных имуществ в 1850-е гг. хронометрировали трудовые затраты на сельскохозяйственные работы в казенных имениях 21 губернии Европейской России. По этим данным обработка пашни, сенокос и сбор урожая требовали от хозяйства в нечерноземных губерниях минимум 113,12 дня в год, от одного работника-мужчины 90,9 дня в год, максимум - соответственно 302,71 и 180,18 рабочих дня в год. В черноземных губерниях минимум - 209,74 и 124,85 дня, максимум - 144,29 и 85,89 дня. Часть работ выполняли женщины и подростки, поэтому трудовые затраты на одного мужчину вряд ли превышали в какой-либо из губерний 125 дней в год. Для конца XIX-начала XX в., по земской статистике, обработка надельной, купленной и арендованной земли в центральных черноземных губерниях требовала 37, в юго-восточных губерниях - 31 полных мужских рабочих дней но 10 часов.

Третий метод замера затрат времени подтверждает выводы, полученные двумя первыми методами. По подсчетам земских статистиков, в конце XIX-начале XX в. взрослый работник-крестьянин был занят на сельхозработах в Тамбовской губернии - 73,9 дня в год, в Смоленской и Харьковской - 86,3, в Вологодской губернии - 88,8. Свободное время крестьяне использовали для занятия промыслами, включая отхожие. Но и с учетом этого у них оставалось много свободного времени. Так, в северной части Тамбовской губернии крестьянин был занят 148,3 дня в год (из них 43,6% времени на промыслах), в центральной части - 107 дней (30,5% времени на промыслах), в южной - 85,4 дня (14% времени на промыслах)³.

Традиция не работать в воскресенье и праздники уходит в глубину веков, освящена обычаем, церковью, а с 1649 г. - законом. Непроизводственные работы по дому: приготовление пищи, корм скота, уход за детьми, разрешались. В некоторые праздники допускалась коллективная работа в пользу бедных вдов, крестьян, пострадавших от пожара или другого несчастья и др., за угощение или бесплатно. Другая работа в праздник считалась грехом. Крестьяне верили, что за работу в праздник виновный понесет убыток вдвое больше дохода от работы.

Община следила за соблюдением обычая и наказывала нарушителей, чаще всего денежным штрафом. При сопротивлении крестьяне не останавливались перед тем, чтобы избить нарушителя и сломать инвентарь. Община редко обращалась к полиции, которая наказывала нарушителя денежным штрафом, кратковременным арестом. Величина штрафа

зависела от характера работ и важности праздника, в который они производились. В начале XX в. штраф, взимаемый общиной, колебался от 50 коп. до 4 р., полицией - от 4 до 20 р. Это существенная сумма: заработок сельского работника не превышал 50 коп. в день.

Домашняя работа была обязанностью женщин. В праздники ее было больше. Однако в праздник женщина, как и мужчина, не выполняла сельскохозяйственных работ, поэтому в целом, видимо, ее рабочее время уменьшалось, так как половина производственной работы падала на ее плечи. Неучастие в сельском празднике считалось оскорбительным для общины. Такой человек терял уважение и презирался. Праздники сводились к богослужению, приему гостей и хождению в гости, массовому гулянию, нередко заполнялись пиршествами с пьянством, кулачными боями улицы с улицей или деревни с деревней и драками крестьян друг с другом. Обилие праздников, считали современники, наносило вред хозяйству крестьян, отнимая время и средства. Если бы в 1913 г. православные крестьяне имели празднично-воскресных дней столько, сколько фермеры в США (68 вместо 140), это дало бы дополнительно около 4,1 млрд человеко-дней в год (72 дня умножаем на 57 млн крестьян в рабочем возрасте) и увеличило баланс рабочего времени почти на 20%. Если бы затраты в праздники на алкоголь употребить на улучшение сельского хозяйства, оно имело бы цветущий вид.

Число праздников обуславливалось религиозными, культурными, политическими и экономическими факторами. Верования крестьян сохранили языческие элементы, закамouflированные под христианские. Официальные праздники посвящались христианскому культу, местные часто - языческому, но в скрытом виде. Местные праздники возникали по обстоятельству, важным для крестьян - открытие церкви, написание новой иконы, прекращение благодаря коллективному молебну, как считали крестьяне, засухи, града, дождя, пожара, и др. Возникнув, они закреплялись обычаем, делались ежегодными. Со временем происходила аккумуляция праздников.

В течение XVIII-первой половины XIX в. число праздников росло незначительно, после 1861 г. - существенно. Вероятно, сказывалось аграрное перенаселение, увеличивавшееся в пореформенное время вследствие быстрого естественного прироста. Много крестьян (по некоторым оценкам более половины) не находили в деревне полного применения силам даже по нормам минималистской трудовой морали. Но уйти из деревни многие воздерживались. Боялись потерять право на землю, не найти работу в сфере услуг и промышленности, не обладали грамотностью, квалификацией для ухода в города и т.п. В этих условиях рост числа праздников мог служить средством борьбы с аграрным перенаселением: чем меньше рабочих дней в году, тем больше крестьян были заняты.

Число праздников росло под влиянием потребительского характера крестьянского хозяйства, целью которого было получение пропитания. Это не лень или неразвитость: для крестьян имело смысл не накопление собственности, богатства, а спокойная и праведная жизнь, которая одна только и могла обеспечить вечное спасение и добрую славу среди односельчан. В системе ценностей православного крестьянина праздник был важен и потому, что освобождал от бремени земных забот, делал человека свободным и равным другим. Именно поэтому, говорила пословица, "всякая душа празднику рада": чем больше праздников, тем лучше могла казаться жизнь.

В формировании трудовой морали важную роль играл культурный фактор. В конце XIX-начале XX в. католики и протестанты Прибалтийских губерний праздновали соответственно 90-100 и 65-75⁴ дней. В 1897 г. процент грамотных у православных равнялся 19, у католиков - 32, протестантов - 70⁵. Грамотность способствовала секуляризации сознания, влияла на поведение, делая его рациональным, ориентированным на максимальные результаты.

Крестьяне не жалели времени на поддержание соседских отношений, солидарности и кооперации, на достижение согласия: обсуждение общих проблем, слухов, выработку поведения в отношении соседней деревни или помещика. Это было необходимо, так как крестьяне были связаны массой общих дел и обязанностей, круговой порукой и севооборотом. Много времени требовали "общество", выполнение общинных обязанностей: собрания, суд, налоги и подати, переделы земли, церковные службы, ремонт дорог, мостов и т.п. Преобладание нерабочего времени над рабочим - черта традиционного сообщества, к которому относилась русская сельская община. По данным антропологов, чем архаичнее общество, тем больше времени люди тратят на поддержание консенсуса, статуса, достоинства, хороших отношений, на общение, религиозную и общинную жизнь⁶. Психологическая основа интенсивных личных отношений в том, что физическое, духовное или эмоциональное сближение людей снимает напряжение, дает людям удовлетворение⁷.

Отношение крестьян к трудовому соглашению и труду

Представление об отношении крестьянина к трудовому соглашению и к труду после отмены крепостного права дают материалы Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России, учрежденной 26 мая 1872 г. Комиссия пригласила 181 эксперта (в основном землевладельцев). Каждый заполнил анкету из 269 вопросов. 54 вопроса посвящены "положению хозяйств относительно рабочих и обратно". Ответы на 42-й и 43-й вопросы (часты ли нарушения условий договоров со стороны нанимателей и рабочих?), 46-й (полезно ли введение рабочих книжек?) и 62-й (сократилось или увеличилось рабочее время у сельского населения в последние 10 лет?) представляют для нас интерес. Эксперты Комиссии резюмировали: "успеху сельского хозяйства главным образом препятствуют: 1) лень и небрежность в производстве работ, частые праздники и прогульные дни, 2) пьянство, сделавшееся эндемической болезнью и уменьшающее до нельзя рабочую способность, 3) неисполнение крестьянами заключенных с ними условий и нарушение контрактов, 4) неуважение крестьян к чужой собственности, частые кражи и порубки, 5) отсутствие всякого понятия о законности и честности"⁸.

Второй комплекс сведений об отношении крестьян к труду — материалы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, учрежденного 22 января 1902 г. Они включают ответы местных комитетов из 49 губерний и 490 уездов Европейской России на 27 пунктов Программы, составленной Совещанием. В работе местных комитетов участвовало 9777 лиц, "практически знающих положение и нужды нашей сельскохозяйственной промышленности в различных районах России"⁹. Эти сведения объективнее данных Комиссии 1872 г., но рисуют они ту же картину. Обобщение ответов относительно трудовой этики по всем местным комитетам, кроме губернии Прибалтики, показало: 1) "Деньги для крестьянина - не накопленный труд, служащий основой для дальнейшего труда, а лишь средство для удовлетворения непосредственной потребности. В народной массе отсутствует стремление к сбережению, накоплению и расширению хозяйства, отсутствует и побуждение к труду, как только прекращается острая нужда". 2) Крестьянские хозяйства "не отвечают требованиям выгодного (прибыльного - Б.М.) предприятия". 3) В большинстве сельские рабочие не являются "добросовестными, умелыми, интенсивно работающими и соблюдающими договоры" работниками. 4) "В тех случаях когда, по его понятиям, он должен и может работать, он работает до изнеможения, не покладая рук. Совершенно иное дело - качество труда. По общему признанию, народный труд в России мало продуктивен и не доброкачествен. Так как качество труда зависит от свойств трудящегося, то и необходимо искать главную причину наших сельскохозяйственных невзгод прежде всего в самих производителях, неумелых, нечестных, неопытных и мало предприимчивых". 5) "Обилие среди нашего народа празднуемых дней как между православным населением, так и между католиками Западного края составляет как бы нашу национальную особенность, передающуюся даже нашим магометанам". Количество местных праздников постоянно увеличивается. 6) Деревня дает рабочих не только для сельского хозяйства, но и для промышленности. Рабочие на фабриках, заводах, в горных промыслах, на транспорте отличаются теми же качествами, что крестьяне¹⁰. Судя по этим материалам, за 40 лет после отмены крепостного права существенных изменений в трудовой этике крестьян, сельских и промышленных рабочих не произошло.

Трудовая этика рабочих

Число рабочих дней в году, продолжительность рабочего дня

До реформы 1861 г. большинство промышленных заведений останавливало работу во время страды и сенокоса. У рабочих было почти столько же праздников, сколько у крестьян, их число определяли обычай или соглашение рабочих с предпринимателем. На отдельных фабриках и заводах существовало большое разнообразие нерабочих дней. Казенные предприятия, где число рабочих дней регламентировалось, работали, как правило, 200-240 дней, а иногда чуть больше ста дней в год. Продолжительность "чистого" рабочего дня в середине XIX в. варьировала от 9 до 14 часов в день, зависела от времени года - летом до 14 часов, зимой - до 9 часов, на большинстве предприятий 12 часов".

Ритм промышленного труда стал меняться с приходом промышленной революции. На фабриках с машинным производством в середине XIX в. повсеместно обнаружилась тенденция сокращения и унификации числа праздничных дней. Непрерывное производство

позволяло владельцу механизированной фабрики быстрее вернуть затраты на оборудование, пользоваться конъюнктурой, конкурировать. Metallургическое предприятие нельзя было остановить без огромных убытков. Поэтому среднее число рабочих дней, по соглашениям между рабочими и предпринимателями, к 1885 г. увеличилось до 283, к 1904 г. - до 287,3 дня. С 1905 г. под влиянием рабочего движения число рабочих дней уменьшается, в 1913 г. составив 276,4¹². Время, отработываемое отдельным рабочим, было меньше. В 1913 г. потери рабочего времени, помимо праздников и воскресений, оценивались в 19 дней: вследствие простоев - 6,4 дня, болезней и других уважительных причин - 8, прогулов - 4,6 дня¹³. Если потери рабочего времени в 1885 и 1904 гг. были примерно такими же, как и в 1913 г., фактическое число рабочих дней на одного рабочего в 1885 г. равнялось - 264, в 1904 г. - 268, в 1913 г. - 257. С увеличением числа рабочих дней уменьшалась их продолжительность: у мужчин, занятых в промышленности, подчиненной фабричной инспекции (горная и казенная промышленность не были в ее ведении), с 12,3 в 1850-е гг. до 11,7 часа в 1885 г., до 10,6 часа в 1904 г., до 10,2 часа в 1905 г. и до 10 часов в 1913 г.¹⁴. У женщин и детей рабочий день был короче. В результате в год рабочий период включал теоретически в 1850-е гг. 2952 часа, в 1885 г. - 3311, в 1904 г. - 2931, в 1913 г. - 2764 часа, фактически - соответственно 2718, 3089, 2841 и 2570 часов. Таким образом, до 1905 г. занятость рабочего была больше, чем до 1861 г., а с 1905 г. - меньше. Переход от ручного производства к машинному привел к повышению непрерывности труда в промышленности вследствие роста числа рабочих дней и переходу к двух- и трехсменной работе.

Отношение рабочих к труду

Данные о штрафах за нарушения трудовой дисциплины в 1901—1914 гг. — массовый и достаточно надежный источник по трудовой этике рабочих. До 1886 г. номенклатура штрафов и их размеры устанавливались на каждом предприятии по усмотрению хозяина, с 1886 г. утверждались фабричной инспекцией, отличались однообразием и были известны рабочим. В целом, величина штрафа не должна была превышать трети месячного заработка. В отчетах фабричной инспекции поводы для штрафа сведены в три категории: 1) неисправная работа (брак, порча машин и орудий производства и др.); 2) прогулы (неявка на работу не менее половины рабочего дня); 3) нарушение внутреннего порядка. Сюда входили: отправление естественных надобностей в недозволённых местах, несвоевременная явка на работу или самовольная отлучка, несоблюдение правил техники безопасности, чистоты и опрятности, нарушение тишины и порядка шумом, криком, бранью, ссорой или дракою, непослушание, приход на работу в пьяном виде, игры на деньги (в карты, орлянку и т.п.), хищение заводского имущества, обман или подлог во время работы. На перечисленные проступки постоянно жаловались предприниматели, начиная с середины XIX в.¹⁵ Поэтому число и величина штрафов - реальный показатель отношения к труду.

Штрафы широко практиковались в промышленности: в 1901-1904 гг. свыше 70% рабочих работали в заведениях, где взыскивались штрафы; в 1905-1907 гг. процент понизился до 58,5; в 1914 г. достиг 72,7. После того, как в 1886 г. закон поставил штрафование под контроль фабричной инспекции, ограничил величину и число поводов для штрафа и позволил использовать штрафной капитал на пособия рабочим (прежде этими деньгами распоряжался фабрикант), штрафы стали реже. Сведения о них занижали уровень нарушений трудовой дисциплины, что видно из следующих фактов. Данные о штрафах за 1901-1914 гг. позволяют предположить, что 30% рабочих совершали прогулы в течение года, и по одному дню. Реально прогулы поглощали около 5 дней в год. По некоторым сведениям воровство с завода было массовым явлением¹⁶. За нарушения порядка, куда кроме хищений входили многие другие проступки, ежегодно штрафовалось лишь 23% рабочих. Данные о штрафах 1901-1914 гг. занижали уровень нарушений примерно в 5 раз.

Штрафы накладывались в соответствии с правилами. Рабочие считали их обоснованными. Этому способствовали фабричные инспекторы, следившие за справедливостью. Рабочие оспаривали неправильное наложение штрафа. Об обоснованности штрафов говорят крайне редкие жалобы рабочих. За 1901-1910 гг. рабочие штрафовались 25754 тыс. раз, жалоб в фабричную инспекцию на неправильность штрафования было лишь 22101, т.е. 0,086% случаев штрафов. Среди жалоб на долю штрафов приходилось от 0,2% всех жалоб в 1905 г. до 6,1% в 1901 г. В среднем за 1901-1910 гг. в 75% случаев жалобы признавались неосновательными. Уровень неосновательности по другим видам жалоб был ниже: по недочетам — 64%, по всем жалобам — 57%¹⁷.

Показатель дисциплинированности рабочих - производственный травматизм. При неполном учете несчастных случаев в России уровень травматизма в России был выше, чем при полном учете на Западе. В 1910 г. от него пострадали 7% рабочих промышленности и транспорта, в любой западноевропейской стране – менее 6%. В России травматизм в 1,5 раза чаще, чем в Англии и Германии, имел летальный исход и по большей части (во всяком случае, гораздо чаще, чем на Западе) - по вине рабочих (несоблюдение правил, неловкость, невниманье) [18].

Качество труда, трезвость, честность, дисциплина, прогулы и опоздания на работу, способность к компромиссу, соблюдение правил поведения на производстве, подверженность производственному травматизму, простои и производственный брак зависели от грамотности рабочего и социального происхождения. Грамотность благоприятно, а крестьянское происхождение отрицательно сказывались на отношении к труду [19]. В дореформенное время свыше 90 % рабочих рекрутировались из крестьян, не терявших связи с землей и сельским хозяйством, накануне революции 1917 г. – около 50%. Вплоть до 1917 г. около 90% рабочих принадлежали к крестьянскому сословию [20]. Огромное число рабочих были отходниками. Крестьянское происхождение обнаруживалось во всем: в организации рабочих коллективов, в обычаях и ритуалах, в неуважении к собственности, в отношении к буржуазии как к паразитам, в монархизме, в склонности к стихийным разрушительным бунтам, в негативном отношении к интеллигенции и либеральному движению и т.д. В рабочей среде было много крестьянских обычаев.

Статистика штрафов в 61 губернии в 1901 г. и 67 губерниях в 1913 г. [21] позволяет определить еще два фактора отношения рабочего к труду: концентрация производства и характер труда – ручной или машинный. Чем больше было губернии крупных фабрик, тем выше число оштрафованных и, следовательно, нарушений трудовой дисциплины. И наоборот, чем больше в ней мелких предприятий, тем меньше нарушений дисциплины. Фабричные округа по степени несоблюдения дисциплины соответствовали уровню концентрации производства: Московский, Петербургский, Варшавский, Харьковский, Поволжский, Киевский. Эту зависимость на губернском уровне корреляционный анализ оценивает как высокую. В 1901 г. линейный коэффициент корреляции Пирсона (доля крупнейших фабрик и процент оштрафованных) в губерниях равнялся 0,680, в 1913 г. – 0,699. Несколько большей была зависимость между размерами штрафа на одного рабочего и долей крупнейших фабрик – соответственно 0,696 и 0,780. Напротив, чем больше в губернии предприятий с числом рабочих менее 50 человек, тем меньше нарушений дисциплины. Но эта зависимость была менее сильной. Коэффициенты корреляции между долей мелких предприятий и процентом оштрафованных или размерами штрафа на одного рабочего на губернском уровне были отрицательными, равнясь от –0,328 до –0,448 в 1901 г. и от –0,420 до –0,520 в 1913 г. На мелких предприятиях машины применялись несравненно меньше, чем на крупных, иногда совсем не использовались. Отсюда следует, что на предприятиях, где преобладал ручной труд, дисциплина была лучше, чем на механизированных. Как это объяснить?

Рабочие коллективы мелких и крупных предприятий по характеру межличностных отношений различались. На первых нарушить незаметно для остальных дисциплину было трудно. В качестве наказания применялись неформальные санкции – насмешки, издевательства, физическое насилие. Штрафовали рабочих главным образом на крупных предприятиях. Небольшое предприятие напоминало большую семью во главе с авторитарным хозяином, цех или рабочую артель во главе со старостой–подрядчиком, где отношения имели “характер патриархального строя”, – свидетельство управляющего шахтой, где “дисциплина была поразительная” [22]. На крупном предприятии преобладали анонимные, формальные или полупоформальные отношения рабочих и администрации, а нередко между рабочими. Здесь скрыться от контроля было легче. Обман администрации, мелкие кражи не считались грехом, скорее - молодечеством. В таких условиях дисциплину нарушали чаще. Наказания были формальны – штраф, увольнение. Формальный контроль был практически единственным средством поддержания порядка.

в) Соблюдение предпринимателями рабочего законодательства и договоров с рабочими

О соблюдении предпринимателями законодательства и договоров можно говорить обнаруженные фабричными инспекторами нарушения закона со стороны предпринимателей. Хотя они нарушали рабочее законодательство и договоры, но делали это почти в 2 раза реже, чем рабочие. На одно предприятие ежегодно приходилось одно нарушение законодательства (1,12), а на одного рабочего два штрафа (2,19), два нарушения трудовой дисциплины, или два нарушения договора с предпринимателем – при том, что штрафов было много меньше, чем число нарушений дисциплины рабочими [23]. Около двух третей нарушений со стороны предпринимателей касались формальной стороны дела (правил ведения рабочих книжек, ведения книги счетов с рабочими и других подобных формальностей) и около трети – несоблюдения фабричной администрацией обязанностей по охране здоровья рабочих, зарплате, длительности рабочего дня и т.п.

Вторым способом оценки трудовой этики предпринимателей служит число жалоб рабочих на администрацию. Недовольство администрацией высказывали в среднем за 1901–1914 гг. 6,3% от общего числа рабочих, причем лишь немногим более половины жалоб было признано основательными (51,5%) [24]. Рабочие роптали на предпринимателей (в порядке частоты жалоб) за невыдачу, задержание или неправильное исчисление зарплаты, за принуждение работать сверхурочно или, наоборот, за сокращение рабочего времени против условленного при найме (у сдельщиков уменьшался заработок), за принуждение исполнять другую работу кроме той, на которую рабочий был нанят, за дурное обращение, неправильное штрафование и незаконные вычеты, за невыдачу паспортов, неправильные записи в расчетных книжках, за невыдачу пособий из штрафного капитала, плохое снабжение продуктами из фабричных лавок. Если штрафы рассматривать как претензии предпринимателей к рабочим, а жалобы рабочих на предпринимателей как претензии рабочих к предпринимателям, то следует заключить, что рабочие были больше удовлетворены предпринимателями, чем предприниматели рабочими. Могут возразить: жалоб рабочих было мало потому, что они боялись жаловаться [24]. Но штрафы и жалобы предпринимателей примерно в 5 раз занижали число нарушений трудовой дисциплины со стороны рабочих.

Данные за 1901–1914 гг. показывают, что дисциплинированность рабочих колебалась по годам. Во время промышленного подъема, когда возрастал спрос на рабочие руки и работу было найти нетрудно, во время подъема рабочего движения дисциплина снижалась. Политическая стабильность и экономический спад делали рабочих дисциплинированнее и менее требовательными, уменьшались жалобы, претензии. Но при всех колебаниях обнаруживается тенденция к понижению уровня трудовой дисциплины: в 1901–1904 гг. в среднем на одного рабочего приходилось минимум 2,22 нарушения в год, а в 1910–1913 гг. – 2,50. Эта тенденция, вероятно, объяснима ростом рабочего движения, соединением его с антиправительственным движением и социал-демократической пропагандой.

Приведенные данные позволяют предположить, что трудовая этика рабочих в пореформенное время в основном оставалась традиционной. По наблюдению современников, близких к рабочим, они, как и крестьяне, “работают только по понуждению голода и холода и никогда ничего не имеют” [25], мечтают об уничтожении применения сдельной оплаты, о найме исключительно на жалованье, о сокращении рабочего дня и увеличении числа праздников [26]. Однако в начале XX в. существовал слой рабочих, вероятно, не слишком многочисленный, отличавшихся современным отношением к труду, склонных адаптироваться к правилам жизни, диктуемых капитализмом. Они осуждали пьянство, недисциплинированность, невежество и отсутствие культуры у рабочих. Это мешало им удовлетворительно устраивать жизнь в рамках буржуазного общества. “Этот слой обуржуазившихся рабочих или рабочей аристократии, вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, есть главная социальная опора буржуазии (курсив мой. – Б.М.)” [27]. Рабочая аристократия была проводником современной трудовой этики в среду рабочих. Ее представители становились состоятельными людьми, поощрялись, в том числе и правительством, награждались императором по представлению предпринимателей медалью “За усердие” [28].

Изживание рваного ритма труда, уменьшение числа праздников, четкое отделение времени работы от времени отдыха, развитие трудовой этики у российских рабочих в конце XIX-начале XX в. только начиналось. В Западной Европе и США переход от традиционной к современной этике труда в начале XX в., в основном, завершился. Там, как и в России, процесс этот длился два столетия. В первой половине XIX в. в Великобритании, а в Германии и Франции и позже заметны пережитки традиционного отношения к труду [29].

Итоги

В конце XIX—начале XX в. российские работники, крестьяне или рабочие, в массе придерживались традиционной трудовой этики. Они работали умеренно и любили праздники не потому, что были ленивы или глупы, а потому, что в их системе ценностей труд не занимал высокого места, как в системе ценностей работника-протестанта. "Этика праздности", характерная для традиционных обществ, больше соответствовала представлениям российского работника о хорошей жизни, чем этика напряженного труда. Узкое место трудовой этики работника состояло не в том, что он не мог интенсивно работать, а в том, что работать в полную меру сил он считал необходимым в экстраординарных ситуациях, да и в минуты трудового энтузиазма он не мог трудиться качественно из-за недостатка квалификации, знаний, рачительности, предприимчивости и элементарной дисциплины. Вследствие этого на Западе для России производились специальные простые машины, приспособленные к квалификации российских рабочих³⁰.

Традиционное отношение к труду в литературе получило название "этики праздности"³¹. В западноевропейских странах в доиндустриальную эпоху трудовая этика не отвечала "духу капитализма". В эпоху трехполья от Англии до России и от Швеции до Испании крестьяне имели примерно одинаковое количество земли, работали примерно в том же ритме, как русские крестьяне в XIX-начале XX в. Периоды лучшей конъюнктуры уменьшали время работы до 80—100 дней в год, как в русской пореформенной деревне. Они тоже имели праздников немногим меньше, чем русские крестьяне. Западноевропейские горожане — ремесленники и торговцы - следовали той же трудовой этике, имели столько же праздников. Но им для удовлетворения потребностей приходилось работать не 125-135 дней в год, как крестьянам, а 210-220³². То есть, "этика праздности" - общеевропейское явление доиндустриальной эпохи.

Перестройка традиционной трудовой этики стала объективно необходима в эпоху индустриализации. К середине XIX в. новая модель труда и отдыха в основном утвердилась среди работающего населения западноевропейских стран: 286-308 рабочих дней в год, шестидневные рабочие недели³³. В конце XIX в. пришла очередь России. Новая трудовая этика под давлением предпринимателей утверждается в промышленности. В начале XX в. элементы нового отношения к труду проникли в деревню. Появилось значительное меньшинство - около 30% крестьян, не удовлетворенных порядками в общине, в том числе трудовой этикой, которые хотели выйти из общины и работать по-новому, поддержали столяпинскую реформу. Трансформация традиционной трудовой этики в современную далеко не завершилась к 1917 г. ни в городе, ни в деревне.

Традиционная трудовая этика не могла обеспечить материального изобилия. До завершения промышленной революции на Западе (середина XIX в.) жизненный уровень народа в России, по-видимому, уступал только развитым странам Западной Европы³⁴. Индустриальная революция пришла в Россию позднее, изменив ситуацию в пользу Западной Европы. В пореформенный период по благосостоянию Россия резко отстала от развитых стран. В конце XIX-начале XX в. русский рабочий по уровню реальной зарплаты уступал английскому - в 1,8 раза, немецкому - в 1,2 раза. Его коллега в США имел реальную зарплату в 3 раза большую³⁵. Благосостояние населения задерживало то, что российский работник вплоть до 1917 г. жил по принципам традиционной трудовой морали, не превращал трудолюбие, деньги и время в ценности, которые следует уважать. Время - не деньги, был он уверен, время — праздник!

В советское время процесс продолжался. Трём поколениям советских людей прививалось отношение к труду, во многом близкое буржуазному. К концу советской эпохи трудовая мораль в России, хотя не стала вполне максималистской, не осталась и минималистской³⁶. Исследования нового поколения российских историков и социологов ответят на вопрос, с какой трудовой этикой российские граждане вступили в постсоветскую эпоху.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 70-96, 184-207; Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994. С. 12-20.

² Положение 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. М., 1916. Гл. 3. Ст. 189; Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г.: В 15 т. СПб., 1857. Т. 4. Ст. 1046.

³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX вв.). СПб., 2000. Т. 2. С. 308-309.

- ⁴ *Васильчиков АИ.* Землевладение и земледелие. Т. 2. СПб., 1876. С. 582-584.
- ⁵ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. Т. 2. СПб., 1905. С. 34.
- ⁶ *Козлова И.* Социально-историческая антропология. М., 1999. С. 26.
- ⁷ Подробнее см.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. Т. 2. С. 305-317.
- ⁸ Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России. СПб., 1873. Журналы Комиссии. С. 2-3; Приложения. V. С. 37; VI, ч. 1. С. 262, 267, 274, 277.
- ⁴ *Шидловский С.И.* (сост.). Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Общий обзор трудов местных комитетов. СПб., 1905. С. 1-13, 22-24.
- ¹⁰ *Патерсон Н.Л.* (сост.). Просвещение. Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1903. С. 2, 4, 7-9, 12, 14; Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Труды местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Т. 15. Киевская губ. С. 682; Т. 19. Курская губ. С. 517; Т. 23. Московская губ. С. 30-31; Т. 45. Харьковская губ. С. 74-75.
- ¹¹ *Китанина Т.М.* Рабочие Петербурга, 1800-1861 гг.: Промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочее движение. Л., 1991. С. 195-206; Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. СПб., 1863. Ч. 3. С. 105; *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М., 1922. С. 93.
- ¹² *Дементьев Е.М.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897. С. 58-116; *Кирьянов Ю.М.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX-начало XX в.). М., 1979. С. 72-83; Рабочий день в фабрично-заводской промышленности. М. 1930. Вып. 2. С. 28, 160.
- ¹³ *Струмилин С.Т.* Избранные произведения. Т. 3. М., 1964. С. 365-367.
- ¹⁴ *Кирьянов Ю.М.* Жизненный уровень рабочих... С. 81; Рабочий день в фабрично-заводской промышленности. 1930. Вып. 2. С. 158, 160.
- ¹⁵ *Казанцев Б.Н.* Рабочие Москвы и Московской губернии в середине XIX века (40-50-е годы). М., 1976. С. 162-163.
- ¹⁶ *Смидович П.* Рабочие массы в 90-е гг. М., 1930. С. 11-12.
- ¹⁷ Подсчитано по: Свод отчетов фабричных инспекторов за [1900-1914] год. СПб., 1902-1915.
- ¹⁸ Статистика несчастных случаев с рабочими в промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции за 1901 год. СПб., 1903. С. 26; То же за 1903 год. СПб., 1906. С. 1-2.
- ¹⁹ *Козьминых-Ланин И.М.* Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912. С. 16-18.
- ²⁰ Подсчитано по: Труд в СССР. Справочник. 1926-1930. М., 1930. С. 28-29; *Козьминых-Ланин И.М.* Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912. С. 3.
- ²¹ Свод отчетов фабричных инспекторов за [1901,1914] год. СПб., 1903-1915.
- ²² *Колодуб Е.* Труд и жизнь горнорабочих на грушевых антрацитовых рудниках. М., 1905. С. 109.
- ²³ Подсчитано по: Свод отчетов фабричных инспекторов за год 1903-1915.
- ²⁴ *Гвоздев С.* Записки фабричного инспектора: (из наблюдений и практики в период 1894-1908 гг.). М., 1911. С. 110-111.
- ²⁵ *Колодуб Е.* Труд и жизнь горнорабочих... С. 121.
- ²⁶ Свод отчетов фабричных инспекторов за 1906 год. СПб., 1908. С. X.
- ²⁷ *Ленин В.И.* Поли. Собр. соч. Т. 27. С. 308.
- ²⁸ *Колодуб Е.* Труд и жизнь горнорабочих... С. 13-15, 96-99.
- ²⁹ *Погожее А.В.* Фабричный быт Германии и России. М., 1882. С. 1, 136, 138; *Hobsbawm E.* Workers: World of Labor. NY, 1984. P. 186, 200; *Reid DA.* 1) The Decline of St. Monday 1776-1876 // Past and Present. 1976. № 71. P. 76-101; 2) Wedding Days and the Evolution of Leisure Time in the Workshops and Factories of Industrial England, 1701-1961 // Labour and Leisure in Historical Perspective, Thirteenth to Twentieth Centuries / *Blanchard I.* (ed.). Stuttgart, 1994. P. 111-123; *Thompson E.P.* Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism // Past and Present. 1967. № 38. P. 56-97.
- ³⁰ *Виренцов НА.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 177.
- ³¹ Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1995. № 4. С. 3-33; *Seavoy R.E.* Famine in Peasant Society. NY, 1986.
- ³² *Зомбарт В.* Буржуа... С. 118-144; *Blanchard I.* Introduction //Labour and Leisure... P. 11-38; *Goff J.L.* Time, Work and Culture in the Middle Ages. Chicago, 1980; *Keith Th.* Work and Leisure in the Pre-Industrial Society // Past and Present. 1964. № 29. P. 50-62.
- ³³ *Blanchard I.* Introduction. P. 27-38.
- ³⁴ *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни в особенности сельских учреждений России. СПб., 1870. С. XX, 98; *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II.

СПб., 1901, 1903. Т. 1. С. 83-100; *Тарле Е.В.* Запад и Россия: Статьи и документы из истории XVIII-XX вв. Пг., 1918. С. 122-149; *Туган-Барановский ММ.* Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М., 1922. С. 160; *Took W.* Views of the Russian Empire during the Reign of the Catherine II to the Close of the Present Century. L., 1799. Vol. 2. P. 611.

³⁵*Дементьев ЕМ.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. С. 167, 182-183; *Маркузон Ф.Д.* Наемный труд на Западе. М., 1926. С. 57; *Струмилин С.Т.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 95-96.

³⁶*Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни: Очерки теории. М., 1991. С. 148-181. См. также: *Маркович Д.* Социология труда. М., 1988. С. 502-551.